

ского синтаксиса? Насколько ритм используется древнерусскими книжниками сознательно для оформления словесного материала и потому может пониматься как эстетическое явление и насколько ритм возникает стихийно, случайно, существует изначально в прозе? На эти вопросы обстоятельного и однозначного ответа в научной литературе нет, поскольку данная тема не была раньше предметом специального исследования. Можно сослаться лишь на отдельные замечания, наблюдения, высказывания в трудах В. П. Адриановой-Перетц, Н. К. Гудзия, И. П. Еремина, Д. С. Лихачева, А. С. Орлова, А. Н. Робинсона, на статью В. Стеллецкого «К вопросу о ритмическом строе „Слова о полку Игореве“» и на работы К. Тарановского и А. В. Позднеева, в которых ритм древнерусских произведений рассматривается не как свойство прозы, а как свойство древней формы славянского стиха.

А. С. Орлова интересовал вопрос традиции ритма, на который он дал следующий ответ: «В русской феодальной книжности не было специально стихотворных жанров, а если встречались в прозе ритмичность, рифмование или „напевность“ — это шло от эпоса».<sup>5</sup> В. П. Адрианова-Перетц дополняет наблюдения А. С. Орлова, замечая, что появление ритма в памятниках древнерусской литературы могло быть определено связью с книжной традицией, а не только с традицией устной поэзии.<sup>6</sup> В. П. Адриановой-Перетц принадлежит также замечание о ритмической речи в «Изборнике» князя Святослава 1076 г., в русском списке Минеи 1095—1097 гг., в «Сказании о убиении Бориса и Глеба», в торжественных ораторских словах митрополита Илариона и Кирилла Туровского.<sup>7</sup>

И. П. Еремин говорил о ритмическом строе речи как характерной особенностью старинного торжественного красноречия.<sup>8</sup> Изучая «Слово о полку Игореве», он высказал также очень важную мысль о временной инерции ритма как свойстве ритмической прозы, позволяющем отличить ее от стиха: «В результате повторов под пером автора возникал подчас не только отчетливый ритм, но в отдельных случаях и рифма (морфологическая). Отсюда, конечно, не следует, что „Слово“ написано стихами: характерная для „Слова“ временная инерция ритма, то возникающая, то снова исчезающая, — синтаксического происхождения, не упорядоченная в некую систему; она свидетельствует, что перед нами ритмическая проза».<sup>9</sup>

О существовании в литературе XII в. глубоко своеобразной ритмической системы, которая связана с синтаксическим построением фраз и не поддается современным стиховедческим определениям, пишет Д. С. Лихачев в связи со «Словом о полку Игореве».<sup>10</sup>

В заметке, посвященной задачам исследования стиля «Слова о полку Игореве», А. Н. Робинсон, говоря о прозаическом характере ритма «Слова», по существу ставит и задачи изучения древнерусской ритмической прозы вообще. Он считает важным анализ близких «Слову» «ритмических явлений в других произведениях древнерусской литературы (фрагменты летописи, некоторые воинские повести, произведения ораторского

<sup>5</sup> А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVII веков. М.—Л., 1945, стр. 342.

<sup>6</sup> В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968, стр. 40.

<sup>7</sup> Там же, стр. 38—39.

<sup>8</sup> И. П. Еремин. Лекции по древнерусской литературе, стр. 72.

<sup>9</sup> И. П. Еремин. Слово о полку Игореве. — В кн.: Художественная проза Киевской Руси XI—XIII вв. М., 1957, стр. 337.

<sup>10</sup> Д. С. Лихачев. «Слово о полку Игореве» — героический пролог русской литературы. Л., 1967, стр. 82—83.